

Яан Латтик

Евреи Вильянди

Отрывок из книги "Говорит пасторат Вильянди". Илмамаа, 1993.

Перевод с эстонского Инны Теплицкой

Почему я о них пишу? Очень просто. Еврейская община Вильянди не была очень большой. Если я не ошибаюсь, всего 28 семей. Это небольшое число людей столицы Мулгимаа двигалось, суетилось, занималось торговлей, ремеслами. Евреи были на виду. Клемпнер Мариенбург, глава большой семьи, стучал и ковал с утра до вечера в своей мастерской, дверь которой летом была всегда открыта. Каждый прохожий мог видеть, как еврей в шапке мастерит ведро или молочную посуду, обливаясь потом. У дверей магазинов часто стояли их хозяева-евреи и вежливо приветствовали проходящих мимо горожан. Нередко с одним и тем же человеком здоровались несколько раз в день. Выходящий из магазина на улицу крестьянин своим гордым видом как бы давал понять, что его это все не касается. Молодой приказчик, а иногда и сам хозяин магазина провожал уходящего клиента взглядом, и, не давая ему уйти далеко, кричал – «Ну ладно, возвращайся, что уж с тобой делать»¹. Тот снова заходил в магазин и вскоре выходил с покупкой под мышкой, да еще и с папиросой в зубах. Само собой разумеется, что в еврейском магазине покупатели торговались с хозяином, это было так же естественно, как то, что человек ходит на двух ногах, а кошка – на четырех. Продавец же в процессе торговли показывал свое умение, темперамент и размах. Где бы еще он мог выпустить свой пар? Это был и своего рода спортивный интерес. Руки постоянно были в движении, ходили кругами, исчезали в карманах брюк, тело поворачивалось то к покупателю, то спиной к нему, а рот говорил – «Вы что, смеетесь надо мной? Тут нечего смеяться. Вы хотите купить, а я – продать. Каждый жить хочет. Я и так Вам всегда снижаю цену, как постоянному покупателю». Лично мне старый Хофф всегда уступал цену. Когда я спрашивал о цене нужной мне вещи, он отвечал – «Ну что мы с Вами говорим о цене, я уже господину учителю

¹ В эстонском оригинале вильяндиские евреи говорят по-эстонски с сильным акцентом.

назначил самую дешевую братскую цену. Помните, когда Вы молодой, с большими усами, приехали в наш город, то купили у меня свою первую ушанку и долго ее носили? Разве она не была хороша? Сколько она тогда стоила? Два с половиной – три рубля, разве это деньги?»

В Вильянди было два брата Хоффа. У старшего, еврейского старосты, было 9 сыновей, возможно 8. Большинство из них были тогда детьми и ходили в немецкую школу. Их отец мне рассказывал, какие планы и намерения у него были насчет сыновей. «Этот будет торговцем, этот – тоже торговцем и т.д. Один из сыновей хорошо учился в школе, ему предстояло закончить университет. О некоторых сыновьях он говорил, стуча пальцем по виску – «Там что-то есть, ведь не дурак». Планы и желания отца сбылись. Ребята выросли и разъехались по миру, стали владельцами фабрик и крупных магазинов. Главным советчиком для младших стал старший брат – Яков.

Позднее я как-то встретил старого Хоффа в Риге на вокзале и был приглашен в его богатый дом. Там жил и Яков. «Что я Вам говорил в Вильянди? – спросил старый Хофф. – Посмотрите, как живет Яков. Но Вильянди забыть нельзя, там – родина». Он стал вспоминать разные истории из жизни в Вильянди.

У младшего брата Хоффа было трое детей – два сына и дочь. У него был горб, и люди так и называли его «горбатый Хофф». Он, пожалуй, был более проворным, чем старший брат. Но однажды он обанкротился. Это случилось и с его братом, когда тот не был еще властным и богатым. Конечно, они договорились с кредиторами, заплатили за рубль 20 копеек, как тогда говорили, и магазин вылез из ямы. Как-то в поезде я встретил горбатого Хоффа и спросил, не считает ли он, что они плохо поступали с фабрикантами и оптовыми торговцами, платя им так мало за товар. «Разве я обманул хоть одного эстонского фабриканта или плохо обошелся с местными торговцами? Нет, ни с одним. Я им ничего не должен. А Берлинские евреи потеряли немного денег? - так у них еще достаточно осталось. Из-за нас они не обеднели».

Оба Хоффа были религиозны. Они заботились о том, чтобы в синагоге был порядок, и усердно ходили молиться. Горбатый по субботам ездил в поезде не иначе, как сидя на резиновом мешке, наполненном водой. Еврею в праздничные дни запрещено ездить по сухой земле, можно

передвигаться только по воде. Обычно евреи опускали ноги в тазик с водой, если возможно незаметно задвинуть его под скамейку. А вот горбатый Хофф придумал совать под зад резиновый мешок с водой.

Его старший сын, инженер, посватался к девушке из Австрии. Он владел меховой фабрикой, был человеком умным и любезным. Когда его отец мне рассказал, что теперь в их доме живет невестка, я как-то внезапно спросил, богата ли она. Он немного подумал и сказал – она не бедная. Такой ответ мне понравился, он очень характерен для эстонцев, живущих в Вильянди, для них деньги – не самое главное. Не все ли равно, сколько их, главное, что они есть. «Я никуда из Вильянди не уеду», - часто говорил горбун. «Вот старший мой брат уехал в Ригу и Митаву, создал там большие фабрики и магазины, а вот тоже пришлось умереть. Я же хочу умереть в Вильянди». Это его желание сбылось. Я пошел на похороны, снял шапку перед его прахом и прочел «Отче наш». Его родные и близкие приняли мои соболезнования с большой теплотой.

В Вильянди были и другие евреи – владельцы магазинов. Дела их шли более или менее хорошо, особенно в период независимости Эстонии. Когда я приехал в этот город, я познакомился с мальчиком – подмастерьем портного, разносившим готовую одежду по домам богачей-клиентов. Мальчик был вежливым и сдержанным. Со временем он стал владельцем известного магазина готовой одежды, расположенного под залом театра «Угала». Он женился, как говорил – по любви, на дочери жестянщика, окончившей гимназию. Магазин его рос и расширялся прямо на глазах. Вспоминая былое, он рассказывал, как относил готовый костюм к высокопоставленному клиенту, пресловутому барону Вольфу. Этот человек любил пускать в ход кулаки. Он построил свой дом в виде крепости с маленькими окнами и высокой лестницей. Двор был обнесен каменной оградой, как в настоящей крепости. По двору бегали злые собаки. Мальчик не решился войти в дом с заднего входа, так как надо было пересечь двор. Дрожа от страха, он позвонил в парадную дверь. Ее открыл сам барон. Через минуту мальчик вместе с костюмом оказался на улице. «Он швырнул меня с лестницы», сказал мой ныне богатый собеседник. Старый портной сам отнес заказ и извинился за мальчика, боявшегося собак. «Этот мальчик гораздо смелее моих собак, раз он осмелился позвонить в парадную дверь», – ответил барон. Времена изменились, барон, как и многие другие, затерялся в вихре революции, а из

еврейского мальчика вырос известный коммерсант Блумберг. Он рассказал мне еще одну забавную историю, свидетелем которой стал, идя однажды вечером по одной из улиц Вильянди. Впереди стояли и беседовали двое мужчин. Один говорит другому – «Смотри, оттуда кто-то к нам идет». Когда Блумберг прошел мимо них, тот же человек сказал собеседнику – «Никто не пришел, черт возьми, это ж был еврей». Эта история очень нравилась Блумбергу, он рассказывал о ней с большим наслаждением.²

В городе было несколько еврейских врачей, в том числе и зубных, все они работали хорошо. Больные обращались к ним за лечением и советом. Среди жителей города они не были чужими, а эстонскими евреями, которых не в чем было упрекнуть, кроме как в том, что они евреи.

Несколько раз водил я своих учеников-конфирмантов на богослужение в синагогу. Им это было очень интересно, помогало им заглянуть в духовный мир евреев и увидеть, то, что другим было недоступно, хоть и жили все рядом.

В царское время мне приходилось участвовать в заседаниях окружного суда и приводить к присяге свидетелей. Свидетелями выступали и евреи. К присяге их приводил председатель суда, он велел им надеть шапки и повторять за ним слова присяги. Все вставали и, таким образом, присяга принималась. Присутствующим все это было в новинку. После окончания разбирательства, выходя из зала суда, люди оживленно обсуждали увиденное. «Еврей клянется в магазине сто раз в день, все клянется Богом и врет, как воробей. Почему бы не клясться в суде и тоже врать? Наденет шапку и думает, что Бог не видит, что там в его еврейской голове рождается. Вот снял бы шапку и тогда клялся. Но вот, не решается», - примерно так нападали на евреев. Они защищались и не оставались в долгу. Как-то еврейский юноша, слушавший перепалку, закончил ее эффектно. Он засунул руки в карманы брюк, выгнул грудь колесом и негромко запел небесным по красоте голосом перепев на эти разговоры – «Еврей снимает шапку, держит ее в руке, делает это и дома, и в синагоге, но не при людях». Это подняло настроение. Мужчины засмеялись и вышли из суда с добрыми лицами -

² О дальнейшей судьбе Р. Блумберга можно прочесть здесь http://www.eja.pri.ee/stories/Lohmus_ru.html

смотри-ка, чего еврейский мальчик умеет делать. Позднее этот мальчик стал первым тенором мужского хора Музыкального общества г. Вильянди. У него был отличный голос – незабываемый и всех примиряющий. Он звучал громко во всех помещениях христианской уездной церкви на Рождество, когда там пел мужской хор. Тысячи прихожан с благоговением слушали сердечные слова «К вам пришел Христос, Спаситель». Церковь эта принимала 5 тысяч верующих. Некоторые из них не выдерживали до конца службы и тихонько шептали в ухо соседу – «Что скажешь, еврей-то как поет...». Я все же не совсем уверен, был ли мальчик, певший у здания суда, сыном Абея или кого-то другого. Но тот, кто пел в хоре, совершенно точно был сыном торговца Абея. Когда я у него спросил об этом случае, он ответил, что такого не помнит.

Выпускники Вильяндиской школы Эстонского общества образования однажды летним вечером катались по озеру на лодках. Не обошлось и без песен. Я не слышал, что они пели, но через несколько дней ко мне обратились на улице двое еврейских юношей – сыновей владельцев магазинов, и на хорошем немецком языке спросили – «Что же это такое, Ваши ученицы катаются на лодках и поют еврейский гимн – Хатикву»... Вся еврейская община ломала головы, откуда эстонские девочки научились еврейскому гимну? Секрета тут не было. Я сам научил их мелодии, а слова они не понимали. Зато пели они отлично.

Эту песню я привез из поездки в Палестину. Когда я вернулся из этой поездки, еврейская община пригласила меня в синагогу, чтобы поделиться впечатлениями. Люди очень хотели знать, как живет еврей в Палестине. Мне в синагоге разрешили снять шапку, т.к. я вспотел от напряжения – мне задавали массу вопросов. Жена торговца Эйтельберга сказала – «Ich konnte die ganze Nacht zuhören, aber fahren nach dem heiligen Land mechte ich nicht»³. Один пожилой коммерсант подчеркнул – «Палестина, Палестина, пусть будет Палестина, а я останусь в Вильянди».

Нашим современникам и будущим поколениям будет интересно узнать, что в марте 1923 г. при всенародном голосовании о Законе Божьем все евреи Вильянди проголосовали за преподавание его в школах. Так было и в других городах - еврейские общины давали

³ «Я бы могла слушать всю ночь, но поехать на Святую землю я не хочу» (нем.)

распоряжение голосовать именно так. Кстати, в Иванов день на кладбищенском богослужении среди прихожан можно было увидеть и евреев. Я видел там нескольких канцелярских служащих, которые внимательно следили за происходящим. Горбатый Хофф сказал мне, что он слышал, как я читал на иврите книгу пророка Исаяи, а после этого что-то сердечно рассказывал людям.

Чтобы не забыть язык иврит, я много раз ходил к раввину. Мы читали и упражнялись. Там мне давали молитвенники, которые я дома читал.

Дочь одного эстонца вышла замуж за еврея. Ее родители были невероятно несчастны. Семья эта долго жила в Петербурге и в дни революции вернулась на родину, в Эстонию. Я пытался их успокоить и объяснял, что любовь не всегда учитывает национальность. Иногда она ошибается, находит человека другой национальности, а огонь любви лишь разгорается. А о сердце и говорить нечего. Эта пара на первый взгляд не очень подходила друг другу. Девушка – блондинка, стройная и миловидная, нет нужды искать другую. Муж – как бы типичный представитель своего народа, лицо – как вся Палестина. После свадьбы они уехали из Вильянди. На этом закончились и пересуды, не о чем было судачить. Многие даже и не знали ничего – все было сделано тихонько.

Настал день и час, когда я уехал из Вильянди. Моя следующая работа находилась в столице Литвы, Каунасе. В посольстве меня ждал большой букет красных роз, в приложенной открытке было пожелание счастья от доктора Браунса с супругой. Доктор был сыном моего доброго знакомого коммерсанта из Вильянди. В столице Литвы молодой врач имел большую практику. На двери его кабинета надпись была на двух языках – литовском и иврите. Я долго любовался красивыми розами. Ведь их прислал еврей из Вильянди.